

Содержание

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ *Романтические англичанки* . . . 7

НИНА АГИШЕВА *Шарлотта Бронте и феминизм* 15

глава 1.	Бельгия. Зоэ находит письмо	23
глава 2.	Англия. Хаурт. Отъезд	29
глава 3.	Лондон	43
глава 4.	Ла-Манш. Шторм. Первые впечатления	55
глава 5.	Шарлотта и Наполеон	69
глава 6.	У каждого свой рай	79
глава 7.	Горькая осень	91
глава 8.	Хаурт. Дом стал чужим	103
глава 9.	Брюссель. Уроки английского	115
глава 10.	Мертвый сезон	131
глава 11.	Все кончено	147
глава 12.	Англия. Небо и свиток	161

глава 13. Четыре письма Шарлотты Бронте своему учителю Константину Эже	177
глава 14. Три письма Зоэ Эже тому, чье имя неизвестно ...	191
глава 15. Миссис Артур Белл Николлс. Викторианский брак	215
глава 16. Как Брюссель стал “Городком”	235
Эпилог	255
<i>Библиография</i>	279

СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

*Романтические
англичанки*

Англия всегда была загадкой для русской души. Что скрывается за этим улыбчивым и непрístupным фасадом? Отчего английская вежливость, часто принимаемая за надменность и снобизм, остается непреодолимой преградой для понимания национального характера? Откуда взялся пресловутый культ *privacy* (“мой дом — моя крепость”), о который разбились многие наивные мечты о возможности близости и даже дружбы с жителями Туманного Альбиона?

Самый простой и очевидный ответ на эти вопросы: они — другие. С одной стороны, традиционная замкнутость островного сознания. Когда вокруг простирается и бушует безбрежная водная стихия, невольно сам начинаешь ощущать себя одиноким островом посреди враждебного и опасного моря-океана. С другой стороны, Великая хартия вольностей. Именно этот документ остается краеугольным камнем в основе английского миропонимания и миропорядка. Неверо-

ятно, но факт: более девятисот лет в Англии право на личную свободу возведено в ранг главного закона. Без этого Англию не понять.

Как не понять и историю, рассказанную в этой книге. На первый взгляд, она вся про любовь. (Тем более что само это слово честно вынесено в заголовок.) Но не только! Тут много всего сошлось: и правда подлинных документов, впервые публикующихся на русском языке для широкого читателя, и фантазия автора, смело домысливающего отдельные эпизоды биографии своих героев, и тайна великой, но так до конца и не прочитанной в России книги “Городок”.

И, конечно, это Англия, явившаяся нам в темном наряде скромной ученицы брюссельского пансиона под именем Шарлотты Бронте. Дочь провинциального пастора из далекого английского Хауорта. Молчаливая, скрытная, застенчивая, еще не до конца осознавшая свой писательский дар, она приезжает в Брюссель совершенствовать свой французский, чтобы по окончании учебы открыть школу для девочек в родном городке. Но ничего из этих планов не выйдет. А будет любовь, которая поменяет ей судьбу, а заодно сделает ее имя одним из самых известных в истории мировой литературы.

Подлинный драматизм истории любви Шарлотты Бронте состоит в том, что про это почти никто ничего не знает. Одни лишь догадки и предположения. Одни обрывки чудом сохранившихся любовных писем, прошитых суровыми нитками. Кто их рвал? Кто потом старательно сшивал? Чьи глаза скользили по строчкам, написанным со старательностью отлични-

цы? Куда подевались ответы на письма Шарлотты? И были ли они?

Так незаметно, шаг за шагом, мы вступаем на территорию нового романа, находящегося в рискованной близости от классических шедевров “Джейн Эйр” и “Городок”. Мы следим за тем, как жизнь сама дописывает историю застенчивой англичанки, как она бросает ее в водоворот страсти и заставляет заговорить своим подлинным голосом.

“Викторианская любовь” — это прежде всего история обретения собственного голоса. История женщины, осознающей свое истинное предназначение. Не семья — цель любой порядочной викторианской девушки, не школа — прибежище старых дев и бесприданниц, не даже любовь, к которой Шарлотта так неистово и отважно стремилась, а слово, литература, писательство. Одиночество перед белоснежным листом бумаги, озаренное немеркнущим сиянием свечи и нового замысла. А то, что случилось (или не случилось?) в Брюсселе — это только пролог, введение в ту, другую, новую жизнь, которую она сама сочинит и перепишет несколько раз набело, перед тем как издать свое первое сочинение под мужским псевдонимом.

Всемирно знаменитой Шарлоттой Бронте она станет уже после смерти. В триумвирате с невероятно талантливыми и тоже рано ушедшими сестрами Эмили и Энн. Три сестры Бронте — это еще одна чисто английская история с семейными драмами, тайнами, ранними смертями. Три чахоточных девы, три пасторских дочери, три поэта-романтика, приговоренных прожить жизнь в доме с окнами, выходящими на кладби-

ще. Один и тот же унылый вид на могильные кресты и одна судьба — уйти рано и обрести признание после смерти. Шарлотта переживет своих сестер. Она — единственная, кто даже успеет побывать замужем. Недолго и, похоже, не очень-то счастливо.

Я видел белое подвенечное платье Шарлотты, хранящееся как величайшая святыня в Доме-музее Бронте в Хауорте. Первая мысль: какая же она была маленькая! Совсем крошка. Все такое изящно невесомое, компактно-игрушечное. И шляпка с перышком, и нитяные перчатки, и кружевной летний зонтик, и нереально малого размера талия. Женщина-ребенок, женщина-кукла. Ни одной подлинной фотографии Шарлотты не сохранилось. А ведь в Европе всюду уже процветали ателье, где делали дагерротипы, прозванные “зеркалом с памятью”. И многие ее именитые современники обзавелись собственными мерцающими изображениями из серебра и ртути, по которым мы можем судить о том, как они выглядели.

Так возникла идея сделать для этой книги портрет Шарлотты Бронте. Вместе с фотографом Владимиром Клавихо-Телепневым и художником Дмитрием Васильевым мы придумали образ англичанки 40-х годов XIX века. В капоре, с неизменной шалью, в наглухо закрытом платье с кружевным воротничком. В этот образ полностью вжилась прекрасная актриса Театра Олега Табакова Яна Сексте. А потом нам показалось, что без главного героя и адресата любовных писем, месье Константина Эже, эта история будет выглядеть какой-то неубедительной, незаконченной. И тогда фрак, жилет и цилиндр примерил на себя ведущий

актер Гоголь-центра, американец Один Байрон. Костюм модника и денди, как и весь викторианский антураж, ему невероятно подошел. Байрон (забавное совпадение имен!) будто создан, чтобы играть в костюмных драмах. Как, впрочем, и Глафира Тарханова, выбранная нами на роль мадам Зоэ Эже, соперницы Шарлотты. Но, как гласит легенда, именно недюжинной прозорливости Зоэ и ее искусству владения иголкой с ниткой мы обязаны тем, что письма Шарлотты дошли до нашего времени. Конечно, наша фотосъемка не более чем костюмированная фантазия. Тем не менее она, как и вся эта книга, — попытка прочувствовать и прожить ту давнюю историю как сегодняшнюю, подключить к ней молодых артистов, наполнить ее дыханием и энергией нынешней жизни.

За то время, что шла работа над книгой, Шарлотта Бронте будто сама посылала нам знаки, что ее историю надо рассказать до конца. И, что важно, по-русски!

Однажды я разговаривал с известным английским исследователем и биографом Чехова Дональдом Рейфилдом. И напрямую спросил его, есть ли какая-то связь русского классика с сестрами Бронте?

— Ну конечно, Антон Павлович отлично знал все их романы, переведенные на русский язык, — воскликнул мистер Рейфилд. — И этому есть неоспоримое доказательство — сохранившиеся записи в формуляре таганрогской городской библиотеки. Будучи гимназистом, Чехов старательно штудировал и “Джейн Эйр”, и “Горддок”, и “Грозовой перевал”. А потом, есть и очевидные совпадения с “Тремя сестрами” — три девушки, томящиеся в глуши, неудачливый брат, мечты вырвать-

ся в столицу. Разве это не напоминает жизненную ситуацию самих сестер Бронте?

Неожиданное чеховское эхо прозвучало, когда мы вместе с Ниной Агишевой переступили порог Вестминстерского аббатства и, пройдя вереницу величественных памятников в “Уголке поэтов”, увидели скромную мраморную доску, посвященную памяти сестер Бронте. Там были высечены слова, которые легко перевести цитатой из “Чайки”: “Неси свой крест и веруй”.

А когда приехали в Хауорт, то белый пасторский дом и могильные кресты рядом напомнили декорации Валерия Левенталя к знаменитому спектаклю “Вишневый сад” в Театре на Таганке в постановке Анатолия Эфроса. Снова жизнь вблизи смерти, в полушаге от могил... Не хватало только чеховских вишневых деревьев, осыпающихся белым. Зато пышно цвел английский шиповник. И можжевеловая пустошь, ковром простиравшаяся до самой линии горизонта, выглядела точно так же, как в те времена, когда здесь гуляли сестры Бронте. Ни других крыш, ни мачт электрических сетей, ни привычно дымящих труб. Простор, бесприютность и, конечно, ветер.

Я думаю сейчас о них, об этих странных созданиях, о романтических англичанках, чьи силуэты оказались навсегда вписаны в ландшафт не только английской, но и мировой литературы. И это не только сестры Бронте. Но и Джейн Остин, и Мэри Шелли, и Вирджиния Вулф... По мере возрастающего интереса к феминистской проблематике они то приближаются к нам, то удаляются от нас в свою бескрайнюю можжевеловую

пустошь. Конечно, в компании, состоящей исключительно из классиков XIX века, они выглядят немного потерянными. Мужчины, как им и полагается, доминируют. Женщины настороженно держатся поодаль испуганной стайкой. И лишь избранные рискуют выйти из предписанной им полутени. К ним стоит пригладеться, чтобы оценить их бесстрашие и стойкость. В их истории надо вчитаться, чтобы понять, какие бури гнали их из обжитого семейного уюта. С какими барьерами им пришлось столкнуться и сколько страданий вынести, чтобы претворить потом все это в строки стихов, романов, философских трактатов. И если история безответной любви Шарлотты Бронте и может быть сегодня интересна, то только потому, что это история катастрофы, от которой никто не застрахован, и это история выбора, при котором очевидное поражение оборачивается заслуженным триумфом.

НИНА АГИШЕВА

*Шарлотта Бронте
и феминизм*

Кто сегодня читает романы Шарлотты Бронте? Наивные девочки и их романтические бабушки? Уж точно не современные феминистки, разоблачающие сексизм и мизогинию и готовые насмерть сражаться со всем миром за свои права. Но напрасно, между прочим, они не интересуются жизнью этой “некрасивой любимицы богов”, как назвала английскую писательницу Марина Цветаева. Потому что именно Шарлотта Бронте — без громких деклараций, мужественно и с редким достоинством — сумела отстоять свое право на свободу и творчество. Причем добилась этого в условиях чопорной и лицемерной викторианской Англии, где роль женщины сводилась к браку и деторождению или обслуживанию сильных мира сего и где в самых дерзких мечтах не могли представить себе движения #MeToo.

Погружаясь в биографию Шарлотты, я спрашивала себя: читала ли она, например, первый феминистический документ эпохи Великой французской революции — “Декларацию прав женщины и гражданки” (1791)

